

Ю.Н. УВАРОВА

ДРАГОЦЕННЫЙ СКЛАДЕНЬ 1853 ГОДА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И ЕГО ВКЛАДЧИК П.С. СТРОГАНОВ

В 1928 г. из ризницы Троице-Сергиевой лавры в собрание Оружейной палаты поступил серебряный золоченый трехстворчатый складень, сооруженный, согласно надписи на нем, в 1863 г. Он украшен жемчугом и драгоценными камнями, имеет нарядное оглавие и резные изображения образов Спаса и Богоматери на створках (ил. 1). Складень являлся ковчегом для части Животворящего Креста — в его срединной створке помещен топазовый крест, под которым находятся частицы священной реликвии. Драгоценный ковчег был вложен П.С. Строгановым в Троице-Сергиеву лавру (год пожертвования точно не известен). Памятник поступил в собрание Оружейной палаты в сложное время, когда в советских музеях создавались списки произведений искусства для передачи их на продажу в объединение «Антиквариат». В «черные списки» предметов, изымавшихся из музейных коллекций, часто попадали мемориальные вещи из частных фамильных сокровищниц и культовые произведения. Видимо, руководство Оружейной палаты и, прежде всего, директор Д.Д. Иванов уже тогда понимали уникальность этой вещи и сумели сохранить складень в музейном собрании.

Небольшой драгоценный складень (длина с оглавием — 12 см, ширина — 7 см, вес — 304,5 г)¹ представляет несомненную художественную и историческую ценность как образец творчества московских ювелиров середины XIX в. и как памятник, рассказывающий о судьбе своего заказчика — известного в России мецената и благотворителя графа П.С. Строганова (ил. 2). Поэтому в данной статье речь пойдет не только о складне, но и об этой личности, а также о возможных причинах столь роскошного вклада семьи Строгановых в Троице-Сергиеву лавру.

Небольшие двух или трехстворчатые иконы-складни, предназначенные для путешествий, издавна существовали в Византии на Руси. В Византии они выполнялись без оглавия, то есть имели лишь нить для подвешивания. Старинные русские складни с килевидным завершением украшались нарядным оглавием, сквозь которое продевалась цепочка для ношения на груди (ил. 3). Они могли иметь форму ковчег с дверками на шарнирах, на внутренних сторонах которых находились образы святых, а в средней, глубокой, части помещали особенно почитаемый образ, или, в очень редких случаях, частицу Животворящего Древа. Складни служили оберегами, их брали с собой в далекие опасные путешествия и военные походы. Этот обычай был засвидетельствован Павлом Алеппским, сопровождавшим в Россию антиохского патриарха

Макария в середине XVII века: «У всех ратников без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся, и где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему»². Часто владельцы складней заказывали мастеру определенные изображения. Молитва, обращенная к Богу, приоб-

1. Складень. Москва, 1863.
Музеи Московского Кремля.
Вид с закрытыми створками

ретала вид маленькой драгоценной иконы, которая хранила и сопровождала ее заказчика в трудные минуты жизни.

Павел Сергеевич Строганов и его супруга Анна Дмитриевна пожертвовали в Троице-Сергиев монастырь драгоценный складень с частицей Животворящего Древа, заказанный ими в марте 1863 г. В надписи на оборотной стороне складня приведена точная дата его сооружения и полностью названы имена заказчиков: УСТОИЛЬ КОВЧЕГ СЕИ ДЛЯ ЧАСТИ ЖИВОТВОРЯЩАГО ДРЕВА ГРАФ ПАВЕЛЬ СЕРГЕЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ И СУПРУГА ЕГО ГРАФИНЯ АННА ДМИТРИЕВНА СТРОГАНОВА РОЖДЕННАЯ БУТУРЛИНА. 23 МАРТА 1863 ГОДА. Роскошь и изящество складня, изображение фамильных гербов и соименных святых вкладчиков позволяют предположить, что сооружение ковчега-мошевика для хранения частицы важнейшей христианской реликвии имело для четы Строгановых глубокий смысл.

Вероятно, складень был специально заказан для вклада в Троице - Сергиев монастырь и создавался московским мастером. Во второй половине XIX в. в Москве и Петербурге, с оживлением храмового

строительства, возросла потребность в драгоценной церковной утвари. Появились мастерские с десятками серебряников, которые специализировались на создании предметов церковного обихода, а источником вдохновения и подражания часто служили древние образцы искусной работы. В этом направлении больше работали ювелиры древней столицы. Наряду с известными фирмами П. А. Овчинникова, И.П. Хлебникова, П.И. Оловянишникова, которые выпускали драгоценную продукцию в «русском стиле» и разнообразную церковную утварь по заказам крупных монастырей и храмов, в Москве существовало множество более мелких предприятий. Они пользовались значительной художественной свободой и чаще выполняли частные заказы, чем массовую продукцию. Можно предположить, что исполнителем складня был мастер из древней столицы, где были столь живы образцы старины, а в храмовых ризницах сохранялись шедевры допетровского времени.

2. П.С. Строганов.

Фотография 1900-х гг. Тамбовский краеведческий музей

Складень Строгановых имеет в углубленном среднике топазовый крест и резную надпись: ЧАСТЬ ДРЕВА КРЕСТА ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА (ил. 4). Форма креста подчеркнута небольшими сияющими бриллиантами, а более крупные камни в высоких золоченых кастах — рубины, изумруды, жемчуг и желтый бриллиант — создают его роскошную рамку. Обрамляет средник ряд мелких и ровных жемчужин. Роскошь исполнения центральной части складня, красивые и крупные самоцветы в массивных кастах напоминают работы старых мастеров. Здесь смело сочетаются яркие камни, а высокие золотые касты

подчеркивают их природную красоту и цвет — это розовые альмандины, два гиацинта, разной формы изумруды, сапфир и сияющие бриллианты. Петербургские ювелиры уже с XVIII в. предпочитали использовать в обрамлении «короля камней» — бриллианта — нейтральное серебро и избегали массивных оправ. В складне Строгановых все самоцветы и бриллианты имеют золотые касты, которые выделяют уникальность каждого камня.

3. Складень. Обратная сторона

Вкладная надпись гласит, что ковчег был специально устроен для хранения частицы главной христианской святыни — Животворящего Древа. Принадлежность частицы Креста семейству Строгановых — необычное явление, несмотря на их известность и богатство. Можно только предполагать, где и когда ими была обретена реликвия. Возможно, частица Животворящего Креста как фамильная святыня передавалась в семье по наследству и перешла к Павлу Сергеевичу из рода его матери Натальи Павловны Строгановой, дочери известного на рубеже XVIII—XIX в. государственного деятеля и коллекционера Павла Александровича Строганова. Видимо, этот факт (присутствие редкой и очень почитаемой реликвии в ковчеге) объясняет необыкновенную роскошь складня,

изобилие разных драгоценных камней и стилизацию в духе старинных допетровских церковных предметов. Для редкой святыни заказывается уникальное и достойное обрамление.

Животворящий Крест — символ вечной жизни в христианской культуре. С Древом жизни могло быть связано упование на рождение наследника у четы Строгановых. Через двенадцать лет после свадьбы детей в семье не было, но супруги еще были молоды и могли надеяться на появление наследника или наследницы. Вероятно, ковчег с частью Животворящего Креста создавался как своего рода молитва о даровании жизненной силы и здоровья, воплощенная в виде драгоценной сияющей самоцветами и жемчугом складной иконы.

На внутренних боковых створках складня в технике резьбы выполнены образы Богоматери и Спаса Нерукотворного, а также святого Павла и святой Анны — тезоименных святых. На левой створке изображена Богоматерь с Младенцем и начертаны слова молитвы: ВСЕ УПОВАНИЕ МОЕ НА ТЕБЯ ВОЗЛАГАЮ МАТЕРЬ БОЖЬЯ, СОХРАНИ МЕНЯ ПОКРОВОМ ТВОИМ (ил. 5). Тема покровительства и заступничества Богоматери часто присутствовала в личных и семейных иконах. Моление Богородицы и благотворная сила Животворящего Креста оберегали вкладчиков драгоценного ковчега и поддерживали их в непростом земном пути. Древняя традиция заказывать маленькие складные иконы-обереги от бед и болезней ожила в этой удивительно красивой и изысканной вещи XIX в.

Можно отметить великолепное исполнение мастером образа Спаса Нерукотворного и одежд Богоматери. Тонким резцом тщательно прорисован выразительный лик Спасителя и крылья серафима, помещенного в верхней части правой створки (ил. 6). Светотеневая моделировка лика и эмоциональная выразительность образа Спаса напоминает графические работы того времени. В облике Богородицы главный художественный акцент сделан на изображении ее широких свободных одежд, благодаря светотеневой моделировке они кажутся объемными. Не исключено, что, создавая эти миниатюрные образы, мастер опирался на старинные работы, которых так много сохранилось в Москве. Они продолжали вдохновлять художников более поздней эпохи.

Образ Спаса Нерукотворного мог иметь особое значение для супругов Строгановых. Домовый храм в их дворце на Сергиевской ул. в Санкт-Петербурге был посвящен именно Спасу Нерукотворному. Церковь построили в 1882 г. по разрешению Синода. Графиня Анна Дмитриевна много болела и не могла посещать приходскую церковь. Создателем церкви был архитектор М.С. Месмахер, в ноябре 1882 г. храм освятили. Построенный в византийском стиле, он имел дубовый иконостас и хоры для певчих. Современники называли убранство роскошным, там

совершались пышные богослужения, на которых по воскресеньям бывал П.П. Победоносцев³.

О заказчиках складня напоминают не только образы соименных святых, но и родовые гербы на оборотной стороне золотого ковчега (ил. 7). Над вкладной надписью изображены гербы двух знатных и богатых семейств России — Строгановых и Бутурлиных. Оба помещены под короной, правый щит — герб Бутурлиных — держит «венгерец», левый — герб Строгановых — черный соболь. На гербе рода Строгановых в центре на щитке изображены российский двуглавый орел и графская корона. Внешние створки складня украшены накладными золотыми цветками с сердцевинами-жемчужинками и запираются изящной застежкой с рубином и бриллиантом.

4. Складень. Вид с открытыми створками

Созданный как семейная реликвия, драгоценный складень мог сопровождать владельцев в путешествиях или находиться в личных комнатах. Нарядное оглавие, с двух сторон украшенное драгоценными камнями, завершается короткой серебряной золоченой цепью. В XIX в. складные иконы уже не использовали в качестве нагрудного образа. Складень мог как подвесная святыня находиться в домашней божнице, а иногда его могли брать с собой в путешествие. Однако нам он известен как вклад четы Строгановых в Троице-Сергиеву лавру. Изображение родовых гербов подчеркивало, что дорогая и изысканная вещь работы первоклассного мастера передавалась представителями известной фамилии как

пожертвование. Но нельзя утверждать, что складень поступил именно в 1863 г., так как вкладная книга монастыря за 1863 г. не фиксирует никакого вклада Строгановых. В реестре пожертвований разных благотворителей в церкви, ризницы и ко гробу преподобного Сергия Радонежского перечислены десятки драгоценных вещей (всего на сумму 1 151 рубль), но среди них нет ни одного складня⁴. Акт поступления группы драгоценных предметов из Сергиевского историко-художественного музея (Троице-Сергиевой лавры) в Музеи Московского Кремля от 22 ноября 1928 г. содержит два описания переданных памятников. Эти описания были сделаны в 1908 г. и ранее. Ни в одном из них не значится складень. Это позволяет предположить, что ковчег-мощевик Строгановых мог быть пожертвован в Троице-Сергиеву лавру в связи с кончиной супругов Строгановых. Супруги были погребены в некрополе Троице-Сергиевой лавры, напротив алтарной апсиды Успенского собора. Анна Дмитриевна — в мае 1907 г., а Павел Сергеевич — в декабре 1911 г. Их захоронения существовали в Лавре примерно до 1927 г.⁵ Графиня умерла в Знаменском в ноябре 1906 г. По воспоминаниям прислуги из усадьбы Знаменское-Кориан, записанным уже в 1970-е гг. научными сотрудниками Тамбовского краеведческого музея, тело Анны Дмитриевны везли для погребения вначале в Петербург. Судя по тому, что она была погребена в лавре спустя полгода после смерти, вопрос о месте захоронения решился не сразу. У четы Строгановых не было наследников, и по их завещанию семейная реликвия могла быть вложена в ризницу лавры в 1911 г., после погребения там Павла Сергеевича.

Серебряный золоченый складень, вложенный в лавру, привлекает внимание к личности вкладчика, обер-шенка императорского двора, коллекционера и благотворителя графа П.С. Строганова, служившего нескольким российским императорам (ил. 8). Он был сыном графа Сергея Григорьевича и графини Натальи Павловны Строгановых. Барон Сергей Григорьевич Строганов получил право на графский титул благодаря браку с дальней родственницей Натальей Строгановой — главной наследницей титула и богатств графа П.А. Строганова.

Сыновья Сергея Григорьевича и Натальи Павловны Строгановых — Александр, Павел, Григорий и Николай, получив прекрасное домашнее и университетское образование, находились на государственной службе, имели придворные звания и, как и все Строгановы, были щедрыми меценатами и благотворителями. Павел Сергеевич родился в Петербурге в 1823 г. Его отец, Сергей Григорьевич Строганов, сыграл выдающуюся роль в развитии образования, просвещения и русской культуры. Большую часть жизни он провел в Москве и оказал большое влияние на научную жизнь древней столицы. Одним из первых заметных деяний графа было основание в 1825 г. частично платной школы технического рисования — будущего Строгановского художественного училища. Он вложил немало

личных средств в обустройство и оснащение этого учебного заведения, а также в создание при училище музея, где хранились различные

5—6. Левая и правая створки складня

произведения искусства. Фактом открытия Строгановым художественной школы не в Петербурге, а в «белокаменной» древней российской столице, подчеркивается предпочтение, которое граф оказывал Москве по сравнению с городом Петра. Сергей Григорьевич, примыкая к славянофилам в понимании русской истории, опирался на ценности прошлого, их олицетворяла древняя Москва. Безусловно, его взгляды сыграли роль в воспитании всех детей, но, пожалуй, в наибольшей степени отразились в характере и мировоззрении второго сына — Павла Сергеевича.

Строгановы удивительно сочетали в своей натуре тягу к духовным ценностям и коммерческий талант. Ни один из представителей рода, несмотря на обширные поместья, роскошные дворцы и замечательные коллекции произведений искусства, не разорился. С.Г. Строганов не только не растратил впустую унаследованные богатства, но и приумножил их. Состояние графа включало четыре каменных дома в Петербурге, шесть

железодельных заводов и два чугуноплавильных, золотые прииски в Перми, двенадцать соляных варниц. Он выплатил братьям по миллиону рублей отступных и присоединил к своей вотчине около восьмисот тысяч десятин земли⁶. Многие, знавшие графа, отмечали его аккуратность в

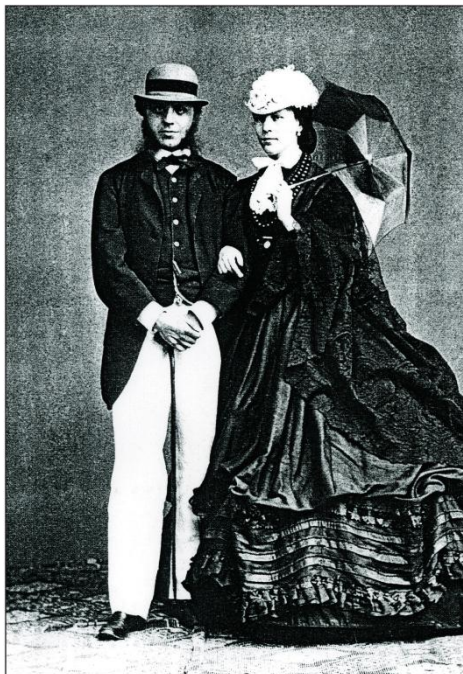

7. Гербы на оборотной стороне складня

хозяйственных и денежных делах. Сергей Григорьевич не имел репутации щедрого на любые расходы человека, но когда нужно было купить картину знаменитого мастера, монету, или помочь бедному ученому, — он не был скуп. А.И. Герцен считал его одним из самых благородных русских магнатов. Такое поведение вполне соответствовало настроению русского общества середины XIX в., когда гражданский долг и общественная польза были престижнее, чем слава устроителя веселых и роскошных пиров, которыми было так богато XVIII столетие.

Образование своих детей Сергей Григорьевич доверил Ф.И. Буслаеву - личному секретарю, филологу, историку искусства, собирателю рукописей и гравюр. Он разделял увлечение С.Г. Строганова древнерусской литературой и преподавал двум его сыновьям, Павлу и Григорию, как и дочерям, русскую грамматику и словесность. В 1839-1840-х гг. Буслаев сопровождал Строгановых в их путешествии по Германии и Италии. Этот семейный вояж сыграл большую роль в жизни Павла Сергеевича. Его художественный вкус, любовь к европейской, особенно итальянской, живописи были воспитаны юношескими впечатлениями о солнечной Италии. Ф.И. Буслаев писал: «...над умами и сердцами господствовал тогда мечтательный романтизм с безотчетной верой во все возможное и невозможное... Обетованной землей для

восторженных душ была Италия»⁷. «Нет оснований считать эту поездку Строгановых коллекционерской. Ее маршрут и характер позволяют думать, что главной целью графа было использование целебного климата Италии для поправки здоровья детей»⁸. На острове Искья семья жила некоторое время на уединенной вилле, где Павел Сергеевич принимал минеральные ванны. И в образовательном смысле европейское паломничество не прошло бесследно. Павел и его брат Григорий многое запомнили в этом путешествии и позднее очень серьезно подошли к составлению своих коллекций.

8. П.С. Строганов и А.Д. Строганова. Фотография 1900-х гг. Тамбовский краеведческий музей

Вернувшись из европейского путешествия в Россию в 1841 г., Павел Сергеевич поступил в Московский университет, где прошел курс юридических наук. С 1847 г. начинается служба молодого графа в министерстве иностранных дел. Как секретарь посольства он несколько лет жил в Италии и Австрии, во время революционных событий сопровождал папу Пия IX в Гаэту. В августе 1856 г. вышел указ императора Александра II «О пожаловании нашему надворному советнику состоящему при нашем посольстве в Риме в звании камер-юнкера П.С. Строганова в воздаяние усердной службы орденом св. Станислава 2-ой степени».

В 1851 г. граф П.С. Строганов женился на А.Д. Бутурлиной. Ее отец, Дмитрий Петрович Бутурлин, был известным военным историком и директором императорской Публичной библиотеки. Мать, Елизавета Михайловна, урожденная Комбурлей, по словам современников, «очень красивая, любезная и естественная», хорошо танцевала и на балах была одной из любимых партнерш императора Николая I. В своем

петербургском доме Бутурлины устраивали вечера и балы, на которых бывал цвет высшего общества. В списке лиц, извещенных о помолвке П.С. Строганова с А.Д. Бутурлиной, значились представители титулованной и финансовой аристократии, в том числе князя Гагарины, Одоевские, Долгоруковы, генерал-майор П.П. Ланской и Н.Н. Ланская-Пушкина, известный финансист барон А. Штиглиц, родственница Строгановых И.Г. Полетика с супругом. Свадьба состоялась 7 января 1851 г. Молодых венчали в домово́й церкви семьи Комбурлей на Почтамской улице в Петербурге⁵.

Не оставив службы в министерстве, молодой Строганов начал строительство собственного дома в северной столице, на Сергиевской улице. В 1857—1858 гг. особняк строил выпускник Школы технического рисования в Москве, архитектор И.А. Монигетти. Граф украсил свой новый дом художественными коллекциями: он собирал итальянские примитивы, картины голландских мастеров, этрусские расписные вазы, бронзовые статуэтки, произведения китайского искусства. «Все Строгановы были собирателями, каждый представитель рода стремился оставить память о себе в виде коллекций. Павел подражал жизни аристократа предыдущего столетия. Он собрал, находясь в Риме, и перевез в Россию 83 картины европейских мастеров»¹⁰.

Основанием для богатого вклада в Троице-Сергиеву лавру могло быть не только семейное несчастье — отсутствие детей. Жизнь графа П.С. Строганова была связана со старой столицей, где он жил и учился в молодости. Павел Сергеевич хорошо знал и уважал московского митрополита Филарета, бывал неоднократно с семьей в лавре и глубоко интересовался вопросами веры. Все Строгановы в течение нескольких столетий передавали в почитаемые обители богатые вклады и заботились об украшении домашних и приходских церквей. Предметом их особой заботы был сольвычегодский Благовещенский собор, не оставляли они своим вниманием и древнюю Троице-Сергиеву лавру. Вклады представителей рода Строгановых в монастырь в XVI—XVII вв. — это денежные суммы и богослужебные облачения, в основном, по умершим родственникам¹¹.

С 1821 по 1867 г. монастырь возглавлял святитель Филарет (Дроздов). Этот выдающийся церковный деятель принимал участие во всех значительных событиях своего времени и пользовался всенародной любовью. Филарета называли церковным ученым универсальных интересов. Сергей Григорьевич Строганов, много лет живший в Москве и коллекционировавший русские иконы, хорошо знал митрополита. Знакомство с ним младшего Строганова оказало определенное влияние на мировоззрение графа. По мнению петербургского исследователя С.О. Кузнецова, существовали семейные связи между Строгановыми и митрополитом Филаретом. Павел Сергеевич живо интересовался

богословскими вопросами. В его личном архиве хранится анонимное письмо «О значении вселенских соборов», автором которого, возможно, является митрополит Филарет (письмо было опубликовано в одном из богословских журналов и датируется 1 мая 1856 г.)¹². Это полемическое письмо — ответ на вопросы, которые Павел Сергеевич мог задать митрополиту в устной беседе, — начинается словами: «Вы изъявили желание, любезный граф, узнать мое мнение о Вселенских соборах...» Благодаря документам личного архива Павла Сергеевича известно, что в журнал «Христианское чтение» была отправлена его статья, которая, как уведомляла редакция журнала, вызвала интерес и не должна была остаться без внимания. В свою очередь, редакция ожидала замечаний графа на посланную ему статью «Новый римский догмат о зачатии Девы Марии без первородного греха».

Наконец, известно, что Павел Сергеевич очень симпатизировал А.Н. Муравьеву — известному церковному деятелю и религиозному писателю — и тесно с ним общался. А.Н. Муравьев служил при обер-прокуроре Синода, критиковал синодальный бюрократизм, поддерживал восстановление патриаршества и был, по словам С.Д. Шереметева, своеобразной и замечательной личностью. В архиве Павла Сергеевича хранится письмо от А.Н. Муравьева, датированное 5 января 1865 г., «О богослужении в сочельник»¹³. Тон и содержание письма говорят о том, что граф Строганов серьезно интересовался церковной службой и не только воспринимал ее внешнюю красоту, но и желал постичь глубокий смысл богослужения.

Думается, драгоценный складень был не только семейным пожертвованием четы Строгановых, но и выражением личного внимания и глубокого уважения графа и его супруги к древней лавре и ее главе, митрополиту Филарету. Это свидетельство искреннего интереса к вопросам православной веры, которая в семье Строгановых имела значение духовной опоры и мерила жизненных ценностей.

В начале 1860-х гг., когда граф находился в Петербурге, он занимался обустройством нового дома на Сергиевской улице. Путешествуя по Франции и Италии, он покупал художественные предметы для своих коллекций. Как и все представители семейства, П.С. Строганов приобрел славу знатока искусства. Его успехи в коллекционировании были отмечены в сентябре 1861 г. дипломом императорской Академии художеств: «Властью ей от самодержца данной Академия художеств признает и почитает графа П.С. Строганова своим почетным членом»¹⁴.

Свои сокровища граф размещал не только в Петербурге, но и в тамбовском имении Знаменское-Кариан. Усадьба, которую так любили супруги, к концу XIX в. превратилась в первоклассно устроенное хозяйство. Большую часть лета Анна Дмитриевна и Павел Сергеевич проводили в тамбовском имении. Оно включало обширные земельные

угодя, где выращивали рожь и пшеницу, скотную ферму, конный завод, фруктовые сады. На выставке в 1889 г. хозяйство получило «большую бронзовую медаль за семена от Императорского вольного экономического общества»¹⁵.

9. К.П. Брюллов. Портрет графа П.С. Строганова. 1850. Тамбовский художественный музей

В имении была собрана и особая картинная галерея. Именно в тамбовской усадьбе хранился портрет Павла Сергеевича работы Карла Брюллова, в наши дни находящийся в собрании Тамбовского художественного музея (ил. 9). В Тамбовском краеведческом музее сохранились уникальные фотографии рубежа XIX—XX в., где можно увидеть усадебный дом (он частично сохранился), самих владельцев имения, их гостей и прислугу (ил. 10). По некоторым фото можно судить об увлечениях хозяев и их образе жизни «в деревнях». Главным удовольствием и развлечением хозяев была забота об имении и его благоустройстве. Иногда на веранде устраивали приемы, где бывал тамбовский губернатор с супругой и родственники Строгановых, а также врач и управляющий имением. Анна Дмитриевна много времени проводила за вышивкой в своем кабинете, а любимым развлечением хозяйки были ежедневные утренние прогулки в лес на ослике (ил. 11).

Глубокий интерес к православию, благотворительность, интерес к истокам русской культуры можно признать семейными чертами Строгановых. Большое внимание Павел Сергеевич уделял благотворительности. На средства владельца имения содержались аптека и

приемный покой с доктором и фельдшером. Как почетный блюститель Тамбовского женского епархиального училища, Строганов неоднократно выделял крупные средства на его обустройство и построил бесплатную больницу при училище, пожертвовав двадцать тысяч рублей¹⁶.

В XIX в. благотворительность стала делом престижа и признаком хорошего тона. В императорской России существовала система поощрения благотворительных поступков. Павел Сергеевич был награжден орденом Св. Станислава I-й степени за заслуги в ревностном попечении Тамбовского епархиального училища в апреле 1890 г. В Петербурге благотворительная деятельность Строгановых сосредоточилась в Сергиевском православном братстве, целью которого была помощь бедным и воспитание детей-сирот. Ежегодно чета Строгановых передавала в приют при Сергиевском братстве около девятисот рублей¹⁷.

Щедрая благотворительность Строгановых и материальная поддержка молодых художников (именные денежные премии для победителей художественного конкурса) соответствовали настроению русского общества того времени и мировоззрению самого Павла Сергеевича. Вероятно, он знал, как ценил благотворительность его духовный наставник, митрополит Филарет. Однажды на вопрос одного филантропа, как обрести вечную жизнь, митрополит ответил: «Платком своим утри слезы вдов беззащитных, к сердцу прими воздыхания сирот безродных»¹⁸.

На протяжении всей жизни П.С. Строганова к нему благоволила императорская семья, хотя он уделял государственным делам меньше времени, чем его знаменитый отец. Придворные должности и ордена ему жаловали три российских императора. Первый орден — Св. Станислава — Павел Сергеевич получил указом Александра II «в воздаяние усердной службы» в 1856 г., а в апреле 1862 г. был пожалован кавалером ордена Св. Анны II-й степени. В дальнейшем граф награждался орденами Св. Владимира, Белого Орла и коронационными медалями для ношения в петлице на Андреевской ленте. Император Александр II удостоил графа Строганова звания камергера двора, в 1874 г. возвел его в должность гофмейстера. Александр III подтвердил это назначение, а в 1894 г. пожаловал Павла Сергеевича в обер-шенки¹⁹ — придворный чин 2 класса, который давали очень редко. За все XVIII столетие насчитывалось пять обер-шенков, а к 1915 г. — всего один.

Анна Дмитриевна Строганова, еще будучи Бутурлиной, имела звание фрейлины двора, позднее — статс-дамы. В 1888 г. она получила высшее придворное звание для дам — стала обер-гофмейстериной (обер-гофмейстерина заведовала придворным дамским штатом и канцелярией императриц). Назначение Анны Дмитриевны на столь высокую должность всколыхнуло столицу, об этом событии много говорили. Как писал в своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцев: «Город занят

назначением обер-гофмейстериней Строгановой. Она и ее муж Павел Сергеевич очень скромные и пользующиеся уважением люди, уже около 10-ти лет удалившиеся от света и уединенно живущие в своем роскошном доме на углу Сергиевской и Моховой, ими построенном. Одни говорят, что сама императрица возымела мысль о подобном назначении, другие утверждают, что и этому не чужд П. Победоносцев»²⁰. Высокие придворные звания позволяли чете Строгановых регулярно появляться при дворе. Они часто бывали в Гатчине на приемах во дворце в правление Александра III. Так, в 1890 г. «по случаю назначения цесаревича Николая членом Государственного совета в Арсенальном зале был дан завтрак за круглыми столами на 10 персон»²¹, на котором присутствовало, по словам А.А. Половцева, много знатных дам, в том числе гофмейстерина А.Д. Строганова.

10. Прием в тамбовском имении Строгановых.
Фотография 1900-х гг. Тамбовский краеведческий музей

Люди, знавшие супругов, отмечали их сдержанность и некоторую холодность в общении, которую считали семейной чертой Строгановых. По складу характера Павел Сергеевич и Анна Дмитриевна не были светскими людьми, они жили достаточно уединенно и принимали только самых близких друзей, хотя всегда очень ценили внимание со стороны императорской семьи. У Строгановых были свои почитатели и свои противники. С.Д. Шереметев писал о них в мемуарах: «На углу Сергиевской в красивом доме среди артистической обстановки жила чета Строгановых. Жили они особняком в тесном кругу, любили искусство и редко показывались в свете. Хозяин — человек добродушный и добрый, хозяйка держалась сдержанно и не отличалась общительностью. Постоянное опасение уронить свое достоинство необыкновенно утомительно»²².

В январе 1901 г. чета Строгановых отмечала пятидесятилетие свадьбы. В домовая церковь Спаса Нерукотворного состоялось праздничное богослужение. На золотую свадьбу супруги получили в подарок икону-складень, в поднесении которой участвовали родственники семейства, князья Щербатовы, графы Толстые и другие представители петербургской аристократии. В архиве графа П.С. Строганова сохранились поздравительные телеграммы по случаю этого юбилея от членов императорской семьи. Они свидетельствуют об искреннем уважении и симпатии августейшего двора к семейной паре. Это телеграмма от императора Николая II: «Ее величество и я приветствуем Вас и Вашего мужа с знаменательным днем пятидесятилетия Вашей свадьбы. Да пошлет Вам обоим Господь многие лета счастья и здоровья. Искренне сожалеем, что не смогли лично поздравить в этот день. Николай». Пришло также поздравление от великого князя Михаила Александровича: «Сердечно поздравляю Вас и графиню с знаменательным днем, желаю на многие годы здоровья и счастья. Михаил»²³.

11. А.Д. Строганова. Фотография 1900-х гг. Тамбовский краеведческий музей

Граф Павел Сергеевич Строганов прожил долгую жизнь. Отпевали графа в домовая церковь Спаса Нерукотворного. На печальной церемонии присутствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна и ее августейшие дочери. «Петербургская газета» писала о Строганове: «Покойный граф считался владельцем одного из самых крупных состояний в России, занимал весьма видное место в высших придворных кругах, но не имел прямого влияния на ход государственных дел, сторонясь политики и не принимал в ней никакого участия»²⁴. Э. Липгарт в своей статье, опубликованной в журнале «Старые годы», назвал Павла Сергеевича одним из выдающихся русских коллекционеров и добавил к тому: «Не могу не отметить бесконечной красоты этой тонкой и

аристократической души, отблеск которой мы находим в его предсмертных распоряжениях»²⁵. По завещанию графа в собрание Эрмитажа были переданы картины ранних итальянских мастеров из его коллекции.

В наши дни личность П.С. Строганова вызывает заслуженный интерес. Один из самых богатых людей своего времени, он находил нравственное удовольствие в благотворительности и покровительстве искусству. Драгоценный складень из собрания Оружейной палаты, связанный с его именем, позволяет открыть новые страницы в изучении фамилии Строгановых и жизни одного из представителей этого знатного рода — мецената и коллекционера графа Павла Сергеевича Строганова.

1. Музеи Московского Кремля, инв. № МР—841/1—2; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1.1927-1930 гг. Оп. 3. Д. 19.
2. Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в XVII веке. М., 1898. Вып. 3. С. 136.
3. Муравьева Е.Н. Граф П.С. Строганов — петербургский коллекционер и меценат // Клио. С. 123.
4. РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 6. Д. 9798.
5. Ткаченко ВА. Некрополь Троице-Сергиевой Лавры конца XIV—XX веков. (В печати.)
6. Строгановы — коллекционеры и меценаты. СПб., 2003.
7. Буслаев Ф.И. Мои Воспоминания. М., 1897. С. 157.
8. Кузнецов С.О. Строгановские fond's d'or. // Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. СПб., 2001. С. 248.
9. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 211.
10. Кузнецов С.О. Собрание живописи дома Строгановых у Полицейского моста // Строгановы — коллекционеры и меценаты.
11. Манушкина Т.Н. Вклады в Троице-Сергиев монастырь // Троице-Сергиева Лавра и русские государи. М., 2000. С. 14.
12. Кузнецов С.О. Строгановские fond's d'or. С. 250.
13. Там же.
14. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 266.
15. Величко П. Имение П.С. Строганова Знаменское-Кариан. М., 1892. С. 3—12.
16. Муравьева Е.Н. Благотворительная деятельность П.С. Строганова (по материалам тамбовской периодической печати) // Герценовские чтения 2000. СПб., 2000. С. 43—44.
17. Муравьева Е.Н. Благотворительная деятельность П.С. Строганова в Петербурге // Конференция, посвященная итогам научно-исследовательской работы Русского музея за 1999 г. СПб., С. 75-76.
18. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 243.
19. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 266-267.
20. Дневник гос. секретаря А.А. Половцева. М., 2004. С. 194.
21. Там же.
22. Шереметев С.Д. Мемуары. М., 2001. С. 49.
23. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 211.
24. Муравьева Е.Н. Граф П.С. Строганов — петербургский коллекционер и меценат. С. 125.

25. Липгарт Э. Дар графа П.С. Строганова Императорскому Эритажу // Старые годы. 1912. Апрель. С. 45.